

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

прежде всего не формальных перемен (хотя поиски нового, разумеется, нужны и в этой области театральной поэзии), а больших и смелых открытий и потрясений человеческого сердца и мысли, которые каждый день приносит с собой наш драматический век. В этом — заслуженная

слава «Иркутской истории» А. Арбузова. В этом, как мне кажется, «секрет» успеха выдающейся актрисы Малого театра Веры Пашенной в «Острове Афродиты» или, скажем, «секрет» того глубочайшего впечатления, которое производит на зрителя с большой силой поставленная недавно Максимом Штраухом пьеса Б. Брехта «Матушка Кураж и ее дети». Вечное соединяется в этих работах с жгуче современным. Древняя, как сама земля, сила материнской любви получает здесь новое освещение, новый смысл, рожденный политическими бурями нашего времени.

Я думаю, что когда будущий пилот звездного корабля полетит среди пустынного черного неба Вселенной, его сердце будет согревать не воспоминания о цветочных пятнах абстрактной живописи, якобы стремящейся передать ритмы и поток сознания человека нашего века, не замысловатые и холодные конструкции «ультрасовременных» театральных постановок, а нечто совсем иное: перед ним будут лица его близких, он ощутит запах земляники в лесу, прохладу утра на берегу реки, росу на цветах и такое же простое, могучее, земное и высокое, по-человечески прекрасное искусство.

Недавно один из крупнейших драматических писателей Америки Артур Миллер с горечью писал: «Деятельно искусства с трудом удается убедить себя в том, что дело его жизни представляет собой какую-то ценность».

Нам не нужно убеждать себя в этом. В стране нашей искусство давно уже стало насущно, как хлеб. Людей искусства у нас очень высоко ценят и чтят, порой даже слишком; ценят авансом, впрок, ибо все мы еще в большом долгу перед своим временем.

Нам нужно самим поднимать ценность своих спектаклей, картин, фильмов, книг...

Первый день нового года принесет нам, как известно, новые деньги. Они будут в десять раз ценнее старых. Мы научимся понимать цену копейки, хотя никогда не станем «копеечниками». Пусть же и цена того, что мы делаем в искусстве, увеличится в будущем году в десять раз. Пусть, как и новые деньги, творения наших художников будут обеспечены чистым золотом крылатых мыслей и чувств, «драгоценным металлом» воли, направленной к большим свершениям, достойным великого времени, в которое мы живем.

Минувший год равен веку; мы слышим в нем грохот исполинских обвалов систем, существовавших столетия; ни преступления в Конго, ни провокации в Лаосе, ни блокада отважной Кубы, ни кровь, пролившаяся в Алжире, — не воскресят колониализм. Мы видим, как по-весеннему молодые страны нового, социалистического мира стали силой, определяющей ход истории. По-новому открываются перед нами Небо и Земля. Даже такие, казалось бы, неизблемые категории, как Пространство и Время, меняют свой извечный смысл...

Когда-то человек, чувствуя боль мира, как свою собственную боль и горе, юноша, терзающийся в датском замке Эльсинор оттого, что он не может восстановить распавшуюся связь времен, был исключительным героем трагедии; под притворным безумием вынужден он был скрывать свое чувство общности с миром. А сегодня совсем не гамлеты, а миллионы тружеников земли ощущают свою личную ответственность за судьбы нашей планеты. Они не допустят, чтобы «распалась связь времен».

Летом этого года, когда я был в Англии, многие англичане были встревожены назначением министром иностранных дел лорда Хьюма, назначением, которое, вопреки традиционным английским законам, состоялось без согласования с палатой общин. Теперь эта тревога оправдывается. Недавно лорд Хьюм сказал, что народ Англии предпочтет скорее погибнуть от ядерной катастрофы, чем принять чуждую ему идеологию. Страшное по своему цинизму и бесчеловечности признание!

Я встречал в Англии самых различных людей, но не видел ни одного человека, который хотел бы гибели своего народа. В богатом и уютном доме мистера Интера Добени — очень состоятельного человека и крупного театрального предпринимателя — мы говорили о театре и единодушно согласились на том, что принимаем любой театр, если он талантлив и правдив, кроме «театра военных действий».

Выдающийся английский ак-

тер Алек Гинес, художник мировой славы и сложной судьбы, человек, принявший недавно католичество, подготовил сейчас пантомиму, названную им «Сердитый клоун», в которой он решительно осуждает безумие вооружения от палицы каменного века до ядерной бомбы.

Хорошо вижу маленький домик в Южном Уэльсе в небольшом городке Кумбрена, где живут наши друзья — учительница Мэри и ее муж — клерк Глен Томас. Этот дом совсем не кажется мне далеким. Я вижу, как Мэри, которая в дни войны отдала свое первое жалованье в фонд помощи Сталинграду, сидит сейчас с Гленом и слушает русские пластинки, купленные ею недавно в Москве. Она пришла в нашу столицу вскоре после смерти своей матери, приехала не потому, что туристское любопытство заставило ее забыть горе, а потому, что ее мать, г-жа Пруден, бывшая преданным другом России и пропагандистом советско-английской дружбы, умирая, завещала им совершить путешествие в Советский Союз. Это удивительное и прекрасное чувство общности жителей земли, чувство, перед которым бессильно пространство, стало еще ощутимей, еще реальней в минувшем году.

Время! Казалось бы, что может быть абсолютней и неизменней его неумолимого хода: год есть год, час есть час и минута всегда равна минуте. Нет, совсем не так!

Венецианец Марко Поло четыре года пробыл в Великой Китайской стене. Мы вылетели в Пекин ночью, а уже утром, сквозь облака увидели под собой начертанный на земле Китая древний каменный иероглиф знаменитой стены, которая когда-то отделяла эту великую страну от всего мира, а сегодня ни капельки не мешает видеть всем, кто не хочет закрывать на это глаза, успехи наших китайских друзей.

Время, в конечном счете, весьма относительная категория и зависит оно, прежде всего, от того, что в него вкладывает человек.

Механический отсчет минут и дней еще мало что определяет. Минута не равна минуте — она равна вложенному в нее человеку, его усилению, дерзновению, таланту.

За минуту, в течение которой какой-нибудь любитель спокойной жизни успевает несколько раз сладко зевнуть, уютно устроившись в удобном кресле, наши прославленные рекордсмены сумели поставить в этом году в Риме мировые рекорды, завоевав звание олимпийских чемпионов.

Минувший год предоставил каждому из нас огромные резервы освобожденного времени. Время работы сократилось до семи часов, и наш день ощутил удлиниться. Мы, люди театра, это особенно почувствовали. Некоторые спектакли кончатся чуть ли не в девять часов. У нас, да и у наших зрителей — впереди еще целый вечер: из госплывой дали времен в нашу жизнь пришло (и еще существует в ней) страшное словосочетание: «Надо убить время». Убить время! — за это «кровавое преступление» человека перед самим собой надо судить по самым строгим законам общественной совести.

Каждая минута требует щедрой, наполненной радостью бытия жизни. Богатство и сила общества, говорил Маркс, определяется количеством свободного времени его членов!

Освобожденная энергия народа уже сегодня дает чудесные плоды: народные театры, талантливые и зрелые спектакли самодельных коллективов, студии рабочих скульпторов и живописцев, симфонические оркестры любителей, стихи инженеров, физиков, трактористов...

Если так бурно растет творчество наших зрителей, то каким же совершенным должно быть профессиональное искусство!

Помню, как Станиславский на своей последней репетиции, прощаясь с учениками, сказал: «...Очень не хочется умирать, мне кажется, я только сейчас начинаю кое-что понимать в театре. Я в самом начале пути». Это говорил человек, проживший в театре огромную и подвижническую жизнь, создавший стройную науку о творчестве актера, воспитавший поколения артистов и режиссеров... Гениальному Станиславскому не хватало целой жизни для поисков и открытий!

Великие перемены требуют от советского театра, чтобы он стал, как никогда, совершенен, чтобы в нем горячо бился пульс истории и чтобы это чувство истории, чувство огромных, новых процессов, совершающихся в мире, стало глубоким, личным переживанием художника сцены. Все может быть условно на сцене — безусловной должна быть правда. Я убежден, что сейчас в театре люди ищут